

(начало на стр.1)

Русская армия воевала достойно, часто героически, но полная неготовность Империи к войне, поразительная бездарность военного командования, развал и разврат воевог-тыла и сама бессмысленность этой бойни не могли закончиться ничем иным, кроме революции. Незадолго до неё Великий князь Александр Михайлович писал кончю: “Как это ни странно, но правительство сегодня тот орган, который подготавливает революцию... Правительство употребляет все возможные меры, чтобы сделать как можно больше недовольных...”. Под “правительством” подразумевался, конечно же, сам царь, изначаль-но негодный к управлению страной. Изумляет само это “союзничество” с Антантой, невиданное в мировой истории: воюя исключительно за интересы союзников, своих не имея, Россия влезала в дополнительный огромный долг перед ними же, втридорога покупая за их кредиты у них же весьма многие виды вооружения и военного имущества. То есть вынужденная отдавать потом сам долг, ростоличные проценты на него, да ещё приносил сказочный барыш их военной промышленности. И, в довершение всего, потеряв убитыми 1 миллион 670 тысяч русских солдат и около миллиона гражданских, 3,8 миллиона ранеными и 3,3 миллиона попавших в плен, понеся при этом большие территориальные потери... И расценить всё это нельзя иначе, как прямым предательством высших национальных интересов России.

А начало революции было положено, как ни странно, что покажется некоторым “хрустобулочниками”, освобождением в 1861 году крестьян от крепостной зависимости. Ещё накануне этого Ф.И. Тютчев вопрошал: "...всё будущее задуманной реформы сводится к одному вопросу: стоит ли власть, призванная её осуществить, — власть, которая... делается как бы верховным посредником между двумя классами, взаимоотношение коих ей надлежит упорядочить, — стоит ли она выше двух классов в нравственном отношении?... Отвечает ли власть в России всем этим требованиям?”. И приходит к выводу, что власть “не признаёт и не допускает иного права, кроме своего... исходит не от Бога, а от материальной силы самой власти, и что эта сила узаконена в её глазах уверенностью в превосходстве своей весьма спорной просвещённости...”.

Так и случилось, возобладав закоренелый эгоизм правящей, немецкой фактически, династии, чиновной верхушки и землевладельческого дворянства: крестьян “выкинули на свободу выживания” без земли, оставив в материальной зависимости, в засилье от всё того же барства, навязав им выкуп земли и даже своих построек на ней... Вплне предсказуемыми на эту вопиющую несправедливость стали повсеместные крестьянские возмущения и бунты, народники, “Земля и воля” — вплоть до террора “бомбистов”, покушений на чиновников и царей. А в ответ, как самое малое, казачьи плётки — и расстрелы, расстрелы...

Вообще же, царское православное государство, в отличие от хищнических западных метрополий, по своей природе, по самому характеру русского народа не было склонно к внешнему “классическому” колониализму, оставляя вовлечённые в Империю народы в их, большей частью, естественном состоянии и правах, даже в меру своих средств помогая им. Но значительные государственные траты, на Западе восполняемые грабежом колоний и завоевательскими войнами, у России были никак не меньше, а потому основная тяжесть государственного тягла издавна легла на плечи русского, крестьянского преимущественно, населения. И судя по ситуации в нём, описанной выше (а подобных фактов можно привести с преизбытком), это было, в сущности, тоже своего рода колониализмом, но только обращённым вовнутрь страны, на свой народ.

Пётр Первый, “подняв Россию на дыбы”, ставил перед собой практическую государственную задачу: попытаться рывком догнать, даже выиграть соревнование с западными странами, для чего прибегнул к сверхмобилизации народных сил и средств, — временной, наверное думалось ему, — с привлечением большого числа “иностран-ных специалистов”. Но не надо здесь забывать другое — и важнейшее — обстоятельство в истории страны: быстрое и полное онемичивание династии Романовых, а по сути ползулчий захват ими, “немцами”, верховной власти. И этот мобилизационный, а на деле близкий к колониальному режим был оставлен ими на всё последовавшее двухсотлетие — в некоем соответствии с их европейским менталитетом завоевателей и для целей, далеко не совпадающих с целенаправленными и интересами самого русского народа, самой страны.

В самом деле, православная обрядность Двора никак не делала, считай, Романовых и наиболее близкое их правящее окружение русскими. Невозможно даже представить себе, скажем, любовь Николая Первого или Бенкендорфа к Пушкину как национальному гению (хоть как-то сравнимую, например, с отношением немцев к Гёте) — нет уж, скорее постоянная недоверие и подозрение, а то и явное, показательное унижение... Использовать в своих целях, холодно покровительствовать “камер-юнкеру” после двух сысков, а потом и его вдове — да, пожалуй, но не больше того. И это отношение к русской культуре, как и к народу в целом, оставалось у династии до конца. Как, впрочем, и к настоящему обустройство нашей земли для жизни, пустив множество необходимых дел на самотёк и без всякого порой нужного обеспечения.

И только на небесах известно, должно быть, сколько и средств, и сил народных потрачено напрасно на вызывающую роскошь династии и прикомленной элиты из аборигенов, порою за бывавших свой язык, сколько было трат на всестороннюю денежную, экономическую, политическую и военную помощь прожорливым родственным дворам и “союзникам” в Европе, какие в этом свете (а вернее уж во тьме закулисья) важнейшие решения принимались и во что они обошлись России...

Засилье “немцев” в России и, в частности, во внешней её политике “саксонского еврея” Нессельроде отмечал даже К.Маркс; а после неудавшегося, во многом “антинемеческого” восстания декабристов, писал историк В.О. Ключевский, из-за убитогося недоверия династии к русским “кончается политическая роль русского дворянства... В этом заключается, по моему мнению, самое важное последствие 14 декабря...”.

Всё это вместе и стало основной причиной отсталости “России Романовых” во многих облас-

тях государственного, социального, научно-технического, вообще домогостроительного творчества, глушило едва ли не все здоровые национальные инициативы, закрепляло архаичные, не дающие развиваться сословные отношения в обществе. И уже гораздо позднее, в самом начале семидесятых при Александре Втором, тайный советник Тютчев, изнутри и вблизи досконально знавший всю политику династии, отмечал всё ту же “черту, самую отличительную из всех — презрительную и тупую ненависть ко всему русскому, инстинктивное, так сказать, непонимание всего национального”... И потому вещей, пророческой стала его мысль: “...невозможно не предощутить переворота, который, как

“Лимиты” исчерпаны

метлой, сметёт всю эту ветость и всё бесчестие... Конечно, для этого потребуется не менее чем дыхание Бога, — дыхание бури...”.

И она в конце концов грянула, буря.

Последнее царствование Романовых показало все свои пороки и полнейшую историческую и государственную несостоятельность с исключительной наглядностью, с жесточайшими результатами и последствиями, и сетовать на некую “несправедливость” ответной, подчеркну, жестокости восставшего народа есть верх лицемерия, а пожалуй что и цинизма. И какое-то тяжёлое недоумение вызывают все эти “ревнители” и “хрустобулочки”, неучи истории: вы что же, тянет спросить, не на стороне интересов и нужд подавляющего большинства своего народа, того же крестьянства и пролетариев? Тех же солдат, в основном тоже из крестьян, ставших в решающей мере главной военной силой революции — после всего того, что они извели в глине окопов Первой мировой бойни, в кровавой бессмыслице её, в холоде и голоде продовольственным и в боеприпасах, при феноменальной бездарности самоснова, ренненкампов и самого “верховного главнокомандующего” царя?.. А вот около половины 150-тысячного офицерского корпуса Империи, в том числе из Генштаба, ещё в самой сумятице гражданского противостояния сумели осознать, за кем народная правда и кровные интересы родины, и воевали за неё, тогда как во всех белых армиях состояло примерно 35 тысяч офицеров. И кто, спросить ещё, и кому подыгрывает ныне: либеральна, а потому по определению антисоветская (возмещавшая даже подсадить на будущей российский трон отпрыска Гогенцоллернов) и русоеневристическая пропаганда вам — или вы ей?..

Это не значит, конечно же, что автор не сознаёт всей и личной человеческой, и социальной трагедии образованного (и эксплуататорского) класса, вынужденной эмиграции, миллионов растерзанных судеб. Да, история беспощадна к проигравшим; но и отвоваивая власть плоды победы даются подчас непомерной ценой, что сполна испытали на себе и русский, и другие народы России в вынужденно жестоких преобразованиях революции. И относиться к ней, объективно, надо стараться объективно тоже, иначе неминуемо станешь жертвой-объектом и внутренних, и внешних идеологических машинаторов, будешь повторять зады их, надо признать, изощрённой пропаганды. Говорить же — якобы жалующий народ — об исчерпанности неких “лимитов на революцию” в России по меньшей мере преждевременно, историю этим не ублажишь и не установишь.

Надо пытаться понимать, какая историческая ситуация сложилась в мире к началу XX века. Везде безраздельно владычествовал колониализм западных стран в его самых жестоких и кровавых формах эксплуатации и геноцида, в предельном варварстве и расизме. Капитализм никого и ничего не стеснялся, не находил стран-ных или, того более, негуманных, что какой-нибудь лорд, скажем, гордо позирует на фоне стенда с двумя десятками скальпов, снятых им то ли с индейцев, то ли индусов, — и в каких тайных коллекциях хранится сейчас тот стэнд и другие, незнаеме какие тысячи артефактов европейского и американского “гуманизма”?.. Джентльмены, известные по книжкам писак и таким же киноподелкам своими тонкими манерами и вкусом, живём сдирали шкуру со всего подвластного им мира, разжигали везде весьма нужные им войны (а впоследствии и две мировые), нещадно, до геноцида усмиряя непокорных, грабя дочиства, до выжженной или залитой нефтью пополам с кровью земли, — что продолжал творить и сегодня, только под прикрытием своей глобальной теперь сети СММ, тысяч информационных бандформирований, изобретателей “гуманитарных бомбардировок”.

Россия в полной мере ощутила на себе удушающую хватку “золотой аналанды” Витте и “периферийного капитализма” в его уже самом отъезном варианте. Страну грабили все кому не лень, иностранные дельцы десятками крупных концесий захватывали её богатства, и расстрел-бойня 1912 года на Ленском приiske (акционерами которого были, кроме чужеземцев, и Витте, и мать императора) с двумя с половиной сотнями убитых рабочих и столько же раненых (не захотели есть червивое мясо, как и на “Потёмкине”, и работать по 14-16 часов в сутки) был лишь знакомым беспределом в той череде принуждений, насилий и издевательств над рабочим людом, которые царили в стране. Да, два

миллиона из 15 миллионов крестьянских дворов были кулацкими, а десяток-другой тысяч высококвалифицированных рабочих жили в достатке, и те же ижевики оружейники, как рассказывал мне Сергей Павлович Залыгин, составили самые боеспособные части в армии Колчака — лучше чисто офицерских даже... Но общая грозная ситуация в ходе мировой войны и “перестройки” Миллюкова-Керенского перевалила уже за всякую мыслимую “красную черту”, и народ — под чьим бы руководством это ни было — восстал.

Сплочённое, оперативней и решительней в своих целях и средствах в этот исторический момент оказались большевики.

Человек равен человеку, утверждало первохристианство, и несёт он в себе единственную ценность — “душу живую”, а всё остальное, в жизни сопровождающее, преходящее. И несмотря на

все извращения этого Вышнего посыла, мечту об осуществлении великого равенства уже нельзя было изъять из самозанятия человечества. История знает немало попыток добиться этого предуказанного равенства именно как Божьей справедливости, но все они заканчивались либо поражениями, либо всё теми же извращениями вроде пресловутых “свобода, равенство и братство”. Не находилось народа, даже из самых развитых наций, который сумел бы, смог решительно пойти до конца, чтобы взломать ненавистную мировую парадигму угнетения и насилия, унижения и обмана человека человеком, попытаться сменить кричащую несправедливость социального мироустройства на человечность. И совсем не зря взгляды многих и иноземных, и наших мыслителей, заботников человечества обращались в сторону русского народа, по ряду качеств нравственных, по самому характеру его связывая свои надежды именно с ним.

Можно привести немало свидетельств такой надежды, они достаточно известны в литературе, истории, философии. “Ибо жизнь народная, — писал Ф.И. Тютчев о русских, — жизнь историческая ещё не проснулась в массах населения. Она ожидает своего часа, и, когда этот час пробьёт, она откликнется на призыв и проявит себя вопреки всему и всем”... А вот убеждению считавшегося многими западником П.Я. Чаадаева, весьма критически относившегося к современному ему состоянию своей родины: “России выпала величественная задача осуществить раньше других стран все обетования христианства, ибо христианство осталось в ней не затронутым людскими страстями и земными интересами...”. Ему же принадлежит и никак не потерявшая своей актуальности формула: “социализм победит не потому, что он прав, а потому, что неправы его противники”...

Она, эта формула, может — не оправдывая и не обвиняя — объяснить наконец-то многим нашим оппонентам объективность свершившегося и, опять же, укрепить нашу надежду на то, что рано или поздно человечество всё-таки разо-рвёт порочный круг злостного неравенства и угнетения, найдёт справедливые социальные и моральные формы своего жизнеустройства, достояние разума и совести. Но пока это лишь мечты неистребимых оптимистов, какие, слава Богу, ещё водятся в политических джунглях нынешнего мира.

И говоря о духовности русского народа, нужно понимать, что она состоит не только в православном мировосприятии, Вере, но и в связанной с нею поверженности к Христовой в её земном, человеческом понимании правде-справедливости. Потому-то и пошёл он первым на решительное преодоление тунусой — и антихристианской именно — парадигмы человеческой истории. Он открыл дорогу, дал надежду на иное, лучшее будущее и доказал всем осуществимость этих чаяний, собою пробивая, прокладывая для всех путь, на горячиших порою ошибках учился, строил, создавал совершенно новую социально-политическую реальность, формацию, общность — русский социализм с его взрешившим к шестидесятым годам высокими нравственными установками человеческого общежителъства, каких не было до сих пор и быть не могло ни в одном социуме, ни в одном самом что ни есть христианском государстве, старшее поколение ещё помнит “Кодекс строителей коммунизма”... И в короткий исторический срок, несмотря на тяжелейшую войну, построил основы социализма и предопределил все главные события в мире, совсем не зря XX век называют “Русским веком”...

Когда же речь заходит о жертвах революционных и прочих репрессий и гражданской войны, все эти обвинители почему-то как один молчат о том, что жертвы “русского социализма” не составляли и сотой, может, доли тех поистине чудовищных гекатомб и преступлений, какие совершил и продолжает на наших глазах творить в мире капитализм, для него-то каких-либо моральных запретов просто не существует. Или задайте вопросом, сколько крови пролило “христианство” в его католическом и протестантском вариантах-ересях... И все те трагические потери, какие понёс наш народ, говорят об огромной сложности его первопреходческого дела, о той толще задач и проблем, которые пришлось решать на ходу. Это, разумеется, не

оправдание революционного насилия, а лишь невесёлая констатация того, что человечество не умеет, не научилось ещё (и научится ли когда?) по-другому вершить свои коренные преобразования, если даже и в сравнительно малых льются потоки крови...

Русский социализм выявил и востребовал невиданные доселе запасы народной энергии и воли, пробудил и вызвал к творческой жизни десятки и десятки миллионов из “простого народа”, из самых низов поднял их к высотам культуры, искусства, науки, прогресса вообще, из земледельческой создал индустриальную и самую образованную и читающую страну в мире. Это был, по сути, “пассионарный взрыв” русско-го и других народов страны, предокзанный теми же Тютчевым и Чаадаевым и направленный на созидание, претворение в действительность лучших общечеловеческих замыслов и чаяний, на достижение и обретение социально-экономических, культурных и духовных ценностей, благ — в том их понимании, конечно, какое диктовалось условиями времени.

Из всех прочитанных особенно впечатлили меня воспоминания маршала авиации А.Е. Голованова “Дальняя бомбардировочная...”, где благодарная память автора называет буквально многие сотни имён-фамилий тех летчиков, механиков, командиров, конструкторов и промышленников, всех причастных к той организаторской, боевой и поистине героической работе, масштабы которой просто поражают, — и это при том, что дальняя составляла по численности лишь сравнительно небольшую часть всей нашей авиации в годы войны... когда и как успели? Какими неимоверными усилиями сумели после разгрома гражданской войны за менее чем два десятка лет создать с нуля не только мощный, на высшем техническом уровне того времени воздушный флот, но и воспитать и обучить главное составляющее любого, тем более ратного дела — людей, сумевших переломить хребт зверю, напрямую выкормившему капиталистического Запада, натравленному на нас? И такого же масштаба и глубины работа велась во всех областях нового государственного строительства и с такими же поразительными результатами. Но вот что мы можем вспомнить за последние четверть века, кроме мерзостей “первоначального накопления капитала” и провального регресса?... Пожалуй, лишь второе (после сталинского) возрождение нашей православной Церкви. И возвращение Православия в социалистический социум, в государственность как такую, думается, рано или поздно состоялось бы, продлился социализм дольше в развитии, дальше, — по многим предпосылкам, в том числе вышеназванным.

Материальные плоды революции по известным причинам “созрели” только к началу 60-х годов, и никогда за всю свою историю русский и другие народы страны во всей массе своей даже и близко не жили так обеспеченно, с быстро растущими благами и уверенностью в лучшем будущем, как в последние тридцатилетие советской власти. Это стало возможным ещё и потому, кстати, что сразу же была создана своя, совершенно независимая от кого-либо извне финансовая система, где каждый рубль работал на страну, на народ в конечном счёте, и именно поэтому мы сравнительно скоро выбирались из послевоенных разгроз, несмотря на вынужденные огромные траты на оборону.

За почти три столетия после Петра Первого только при советской власти, повторюсь, Россия была суверенной во всех отношениях и поэтому достигла невиданных, непредставимых для “России, которую мы потеряли” высот, стала сверхдержавой, создала мировую социалистическую систему. И вопрос — какой ценой? — для Большой Истории не имеет значения, да и самого смысла. Для человека же ответ один: той ценой, какая объективно сложилась независимо от злой или доброй воли отдельных лиц, от их устремлений и действий. Какой ценой британский островок разоросся до Владивостока, над которыми солнце не заходило, а Московское княжество захудало стало Империей на одной шестой части земной суши?... И хорошо ещё, если потомки умеют учиться на ошибках предков, — а если нет?

Царской, буржуазной ли России, не случись Октября, Запад никогда бы не дал вызволиться из финансовой удавки, из уготованного ей заранее положения сырьевой полуколонии, вечно отсталого “периферийного капитализма”. Нынешняя же реяно компродорская “элита” в начале 90-х сама накинута себе и нам на шею всё ту же, считай, петлю “Вашингтонского консенсуса”, ВТО и прочих финансовых кабальных соглашений, утратив суверенитет, по сути, и загнав самую богатую в мире по ресурсам страну в нищету и всестороннюю деградацию, поставив под суровый вопрос всё наше будущее. И сегодня перед нами опять поставлена историей прежняя — и главнейшая — задача: обрести экономическую, а потому и национальную, государственную независимость.

Что ж, контрреволюция — это нередкая в истории спутница попыток вырваться из обветшалых, самим временем приговорённых к отмиранию форм социально-политической жизни. Она может надолго остановить движение вперёд; но, как правило, те причины и противоречия, какие вызвали начальную революцию, нигде не уходят, а наоборот многократно усиливаются, нарастают и делают следующую неизбежной, — если, разумеется, власть не предпринимает достаточно радикальных и действительных реформ, не идёт по эволюционному пути.

И вот уже четверть века после контрреволюционного переворота 1991 года и насильственного развала СССР как исторической России тупая российская власть, ставленница правящего в стране олигархата и наскавозь коррумпированной бюрократической системы, не хочет и не может идти на какие-либо серьёзные перемены в своей антинародной в той же мере, как и антидержавной по сути политике. И во внутренней социально-экономической в особенности, где пренебрегают или извращают до противоположности основополагающие принципы и условия здоровой государственности, превращая существующий олигархический “конструкт” в своего рода Антисистему с прописной, в какой могут процветать только хищники и паразиты, русофобскую по самой своей природе. А во внешней держится пассивная оборона, без неё их, властвующих здесь и торгующих нашими интересами там, на Западе будут вообще ни во что не ставить, как пьяного исполнителя “Калинки”. Но дело-то в том, что Антисистема, где-ли-бо возникнув, не может не подрывать свои же шаткие “основы”, пожирает самоё себя, и пер-

спективы подвластных ей крайне незавидны.

Но как Октябрьская революция привела к коренному перформатированию всей мировой ситуации, так и “геополитическая катастрофа” 1991 года радикально изменила глобальное соотношение капитализма и противостоящих ему сил — в худшую, это если мягко выразиться, сторону для всех, кто страдает от вековой несправедливости и угнетения, пытается завоевать или отстоять свободу свою и национальную независимость. Не стало выразителя, защитника и помощника всех “униженных и оскорблённых” — и совершенно разнудался “новый мировой порядок”, оставшийся единственной сверхдержавы и её евроателлитов, мало чем в принципе отличающийся от “нового порядка” нацистов или зверств британских, европейских вообще колонизаторов, преемственность здесь самая прямая. Неоколониальный разбой современных транснациональных корпораций имеет более изощренный характер, давно принял уже политические формы мондиализма, мирового господства, и противостоят ему на идеальном и мироустроительном уровне, по сути, теперь некому. Померкла и едва ли не сошла на нет сама всееленская альтернатива “закону джунглей” нынешнего миропорядка, и никакой, скажем, “социализм с китайской спецификой” (во многом схожий с госкапитализмом) не в состоянии заменить Советский Союз, “русский социализм” с его конкретной человечностью и во внутренних, и в международных делах, с его — сравнительно с другими ведущими государствами — добропорядочностью, готовностью поддержать все позитивные начинания на планете или дать отпор заравшишимся хищникам. И без него “мировое сообщество” весьма явно деградировало, одичало, с утратой равновесия двух систем откатилось в новую, то и дело сотрясаемую всевозможными кризисами и насилиями нестабильность.

Но куда больше и всачески деградировал когда-то единый, теперь же разорванный на “страны СНГ” социум бывшей страны Советов, вплоть до полупфеодалных или “либеральных” диктатур, во всех случаях националистических, кроме Эфиопии — а в ней, наоборот, с откровенно русофобской правящей верхушкой, целенаправленно подавляющей всякое сопротивление народа. Не говоря уже о диком социальном расстройстве, неравенстве, далеко перехлестнувшим все мировые мерки приличия, резко упали культура, сама цивилизованность нашего населения, нравственный (несмотря на распространявшуюся вроде до самых верхов формальный веру) и вместе интеллектуальный уровень его, и невольно согласившись с тютчевскими словами: “...всякое ослабление и заметное уменьшение умственной жизни в обществе неизбежно влечёт за собой усиление материальных наклонностей и гнусно-эгоистических инстинктов”. И с ним перекликается выходящийся мыслитель уже нашего времени А.Панарин: “Новое либеральное учение легитимизирует повальную коррупцию, гражданскую безответственность, стяжательские инстинкты и даже прямое предательство с помощью идеологии безграничного индивидуализма и морали успеха”... И всё это о нас, нынешних.

Православная церковь, переживающая ныне своё второе возрождение, старается внести в расколатое гражданское общество страны терпимость и милосердие, стремится помочь в преодолении глубокого кризиса социума и самой государственности — но что и, главное, как она может это сделать при вызывающие антихристианском, социал-дарвинистском мышлении и попросту циничном, лпобском поведении нашей правящей “элиты” и её обслуги? Посредничества, а скорее уж союзничества с верхами, миссия её в отношениях с народными низами, определяемая как “Христос терпел и нам велел”, отчасти срабатывает, конечно, но ничего не решает и в принципе решить не может. И в отношении этическом, как видим, в духовно-нравственном обшество наше тоже заведено в какой-то безысходный тупик, а другой, вызволяющей из него идеи или силы пока не находится. Официальный же “патриотизм” только дискредитирует, разоблачает сам себя в глазах честных и думающих граждан, какие при всём желании никак не могут углядеть любовь к родине и заботу о ней у правящих “воров в законе РФ”...

И это поражение идей равенства и правды-справедливости в СССР-России воспринялось во всём мире и несомненно ощущается всеми людьми доброй воли прежде всего как поражение человека вообще, как разумного социального существа с его стремлением к лучшему, основанному на нравственных началах будущему. Капитализм в его любых национальных формах напрочь отрицает это, он всегда был и остаётся хищником по своей природе — основой которой и является психофизиологический “низ”, взывающий ныне верх над человечностью. А в геополитике восторжествовала упоминаемая мною парадигма и то, что раньше обозначалось ёмким социополитическим термином-понятием “реакция” как откат от уже достигнутых человеком совершенных новых принципов и практик жизнеустройства, — и, по всему судя, это надолго. Как, впрочем, и само гниение российской Антисистемы, обусловленное известным долготерпением народа. И неужели придётся снова “дойти до ручки”, до разгроз всего и вся, чтобы понять, что “не туде идём”?.. Но русский народ ещё не сказал своего последнего слова, да и не будет оно “последним” у него, обладающего уникальным историческим опытом, нравственным разумом и волей в лучших своих представителях, способностью к сверхмобилизации в случае суровой необходимости.

Оправится от этого поражения вселенский человек нескоро, порывы такого масштаба, как великий без всякого преувеличения Октябрь, приуготовляются в народах веками. Историки и философы разберутся, в какой мере считать это крушением (пусть и временным) идеального в мировом социуме; но в том, что эта мера весьма значительная, сомнения нет. И не приходится быть пророком, видя, что при всём пресловутом “ускорении прогресса” человечество ожидает, скорее всего, долгие серые будни-десятилетия международной грызни за гегемонию, рынки, территории, недра, даже за пресную воду, и что за всё это оно продолжит расплачиваться самой дорогой ценой — кровью невинных и невосполнимой пагубой душ.

И если мы “венец творения”, то история испытывает нас прежде всего на способность быть человеком, жить по высшим человеческим, а не по законам животного мира. В этот раз мы не выдержали экзамена, но сама задача перед нами, перед лучшим, что есть в нас, не снимается.

Пётр КРАСНОВ

Время правления первого президента России Бориса Николаевича Ельцина оценивать можно по-разному. Сторонники помнят его как человека, похоронившего “империю зла”, создавшего свободное Российское государство. Противники считают его варваром, разрушителем и даже преступником.

Скептики говорят, перефразируя одного из преславных историков: “Царство Бориса, столь прекрасное началось, по последствиям в одном ряду с монгольским нашествием и бедствиями иудейского времени”.

А те, кто его близко знал, отзывались о нём как об откровенном алкоголике и “дуроломе”. Должен ли был Б.Н. Ельцин баллотироваться в тех условиях на второй срок или нет? Ошарашенный горбачёвщиной и не отделившийся от её турбулентности обычный россиянин находился в проращении в поисках адекватного руководителя.

У россиянина и у страны, казалось тогда и не было другого выбора. Для либералов слиш-

ком велика была опасность коммунистического реванша, не было иной альтернативы, способной противостоять коммунистам. А консервато-

Александр КИСЕЛЁВ

Провозвестник разрушений

рам и центристам запомнился справедливый Первый секретарь Московского горкома КПСС, который вдруг стал ездить на работу в общественном транспорте, стоял в очереди в магазине и своей впечатляюще сложной внешностью создавал впечатление защитника русского человека.

По прошествии лет трудно по-настоящему оценить вклад, который внёс Б.Н. Ельцин в российскую историю. Он запретил КПСС, заставил трепетать её сторонников; поставил точку в семидесятилетней исторической авантюре. И уже только за это нынешние либералы воздают ему должное.

На самом деле фигура Б.Н. Ельцина крайне

противоречива.

С одной стороны, настоящий самодержец, а с другой — обыкновенный западник, пытавшийся

демократическими методами реформировать Россию или скорее изображать или подражать демократии, сблизить её с Европой.

Он и разрушитель, и созидатель, и, прежде всего, реформатор. Человек-легенда, человек-реализ. Властолюбец, которого исторические реалии заставили двинаться в определённом направлении.

Ему словно было предначертано родиться в русской глубине, стать частью коммунистической системы, подняться на её вершину, понять губительность и порочность, объявить войну, предать и победить.

Он познал славу гонения, восхищения и геро-стратова проклятия. Реформатор ради собст-

венной власти.

В России не было кровопролитной гражданской войны. Не была тихая холодная и голодная война. Перемены, конечно, были неизбежны, но не до такой степени, чтобы их называли преступными. Хотя внутри России могли бы вспыхнуть сотни конфликтов.

Б.Н. Ельцина обвиняют в параде суверенитетов, в потакании региональным князьям, но забывают, что именно его идея с подписанием индивидуальных договоров о разграничении полномочий между центром и субъектами Федерации предотвратила распад России. “Берите суверенитета столько, сколько сможете проглотить!” — говорил Б.Н. Ельцин.

И, конечно же, на такую отпущенную волюную на свободу с нахрапом ринулись, было, все кому не лень. В подавляющем большинстве в авангарде шёл российский криминал. Расползали и во сто крат пошли дальше горбачёвско-“разрешено всё, что не запрещено”.

И суверенитет взяли все (сколько можно бы-

ло унести). Но взять-то взяли, а переварить не смогли...

Но сегодня при одном лишь упоминании фамилии Ельцин большинство граждан России вздрагивает, потому что в тот период беспредела, по мнению В.В. Путина, “самой крупной геополитической катастрофы XX века”, в которой Б.Н. Ельцину довелось быть первым президентом России, всё было поставлено буквально с ног на голову. Эпоха рухнувших надежд. Эпоха слёз. Эпоха обещаний.

Эпоха вынужденной утраты личности, совести, правды. Это в те времена укрепились поговорки: “В тюрьмах сидят те, кто не умеет воровать. Кто умеет — сидят в кабинетах”. Даже простой народ всё понимал: “Говорил нам как-то Ельцин: “Если что — ложусь на рельсы!”. Под мостом он побывал, но на рельсы не попал”. “Горбачев — мужик хороший, Ельцин лучше в два раза. Жизнь нам сделали такую, не глядели бы глаза”...

(Полная версия — на сайте)